

УДК 101.1

КОММУНИКАТИВНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ИДЕИ НООСФЕРЫ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Зарапин О. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В статье рассматривается проблема интерпретации идеи ноосферы В. И. Вернадского. Отмечается, что проблема интерпретации имеет междисциплинарный контекст, в рамках которого идея ноосферы рассматривается с позиции научного подхода и с позиции философского подхода, что приводит идею ноосферы к двусмысленности и порождает дискуссию о возможности интерпретации. Выдвигается тезис, что репрезентируемая в дискуссии проблема интерпретации имеет своим основанием особенность интерпретируемого и выявляет коммуникативную нагруженность идеи ноосферы. Ставится вопрос о том, что обеспечивает идею ноосферы коммуникативную нагрузку и в чем нагруженная идея находит свое проявление. Разработка вопроса ведется в направлении анализа текста В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Анализ текста позволяет выделить два обстоятельства: 1) идея ноосферы получает свою нагрузку в коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление» как ситуации общения автора и читателя; 2) в качестве особенности коммуникативной ситуации текста В. И. Вернадского подчеркивается эквивокация позиций: автор исходит из позиции ученого, а читатель – из позиции философа. Делается вывод, согласно которому идея ноосферы определяет нацеленную на нее интерпретацию таким образом, что интерпретация обнаруживает двусмысленность и тем самым вызывает дискуссию о собственной возможности.

Ключевые слова: идея ноосферы, интерпретация, коммуникативная ситуация текста.

Идея ноосферы, озвученная В. И. Вернадским, давно и прочно вошла в современную интеллектуальную культуру. Ее используют как ученые, представляющие естествознание, так и философы, представляющие гуманитарную мысль. Подобная пластичность весьма выразительно характеризует данную идею в рамках специфики междисциплинарных исследований, где на первый план выходят конкретные научные проблемы, требующие координации усилий специалистов из различных областей знания и отраслей науки.

Вернадский подчеркивает, что в современной науке междисциплинарные исследования играют значительную роль, затрагивающую само понятие научной специализации. «Дело в том, – пишет Вернадский, – что рост научного знания в XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше

специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения» [7, с. 505]. Идея ноосферы репрезентирует междисциплинарный подход в том смысле, что связывает многообразие точек зрения на «реальность в области жизни человека» в единый контекст планетарной целостности («ноосферический разрез мира») [там же].

Сегодня, спустя полвека с момента публикаций работ Вернадского, когда прошла волна первоначальной увлеченности идеей ноосферы, мы можем критично взглянуть и оценить некоторые итоги исследовательской работы, направленной на интеграцию научной и философской мысли. Обобщая, можно сказать, что идея ноосферы обнаруживает проблему, свойственную дискурсу междисциплинарности в целом. Известный отечественный эпистемолог И. Т. Касавин подчеркивает, что общим местом междисциплинарных исследований является проблема перевода с языка одной дисциплины на язык другой, который никогда не может быть достаточно точным, отчего результаты междисциплинарных исследований нельзя считать объективными, они содержат неустранимую коммуникативную компоненту. Касавин пишет: «Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах ..., то таковые обладают не столько объективной, сколько коммуникативной природой, т. е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» [10, с 14].

Особенность идеи ноосферы как центра интеграции философской и научной мысли находит свое выражение в том, что этот центр не является фиксированной точкой, вокруг которой разворачивается продуктивный обмен мнениями ученых и философов. В междисциплинарном исследовании идея ноосферы инициирует коммуникативный процесс дискуссии и обсуждения самой идеи ноосферы, что создает ситуацию, при которой предмет растворяется в разговоре о предмете. Поиск общего языка, который мог бы связать достижения философской и научной мысли, осложняется тем обстоятельством, что представленная в качестве основы такого языка идея ноосферы сама оказывается коммуникативно нагруженной в том смысле, что по ее поводу нет достигнутой договоренности и как проблема она открыта обсуждению.

Репрезентацией процесса подобного обсуждения можно считать конференцию «Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира», которая состоялась в 2013 г. и была приурочена к круглой дате – 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского. Организаторами конференции выступили Институт философии РАН, Российское философское общество, Институт истории естествознания и техники РАН, Российская академия естественных наук, Российская экологическая академия. Материалы работы конференции опубликованы в журнале «Вопросы философии» в очерке И. К. Лисеева «Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира (К 150-летию В. И. Вернадского)» [12]. Отмечая тот факт, что идеи русского ученого не

потеряли актуальности, докладчики коснулись проблемы интерпретации высказанной Вернадским идеи ноосферы, и в выступлении А. Н. Чумакова, вице-президента Российского философского общества, эта проблема представлена в свете опасности не критического восприятия идей Вернадского.

В развернутом виде основную мысль своего доклада Чумаков представляет в статье «Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание», опубликованной в «Вестнике Московского университета» [17]. Согласно Чумакову, идея ноосферы стала заложницей определенной интерпретации, со временем превратившейся в то «общее место», которое не подлежит пересмотру, а необходимость в таком пересмотре назрела. Автор пишет: «Так, ученые, предельно высоко оценившие учение о ноосфере, рассматривали его как “реалистический взгляд на будущее” и видели в нем оптимистическую перспективу для вступившего в глобальный конфликт с природой человечества. Прошедшие с тех пор несколько более двух десятилетий по существу мало что изменили. И теперь еще нередко высказываются мнения, что альтернативы ноосферной концепции человечества попросту нет, а идеи общественного развития, не имеющие ноосферного аспекта, так или иначе воспринимаются в красках катастрофизма, пессимизма и упадничества» [17, с. 28]. Выдвигаемые данной интерпретацией на первый план «бесконечные разговоры о гармонизации» взаимодействия человека и природы явно контрастируют с реальностью нерешенных, в частности, экологических проблем. Именно в этот момент, как подчеркивает автор, энтузиазм, с каким было воспринято учение о ноосфере, легко перерастает в разочарование.

Итак, в чем же один из лидеров российской философской общественности видит проблему интерпретации ноосферы? Прежде всего, в том, что идея ноосферы, несомненно актуальная в постановке вопроса о взаимодействии человека и природы, «все больше предстает как красивая, но непрактичная идея» [17, с. 31]. Рассматриваемая в качестве отвлеченной, идея ноосферы уместна в философии. Такой поворот легитимирует «уход в область, недоступную для экспериментов и проверки высказываемых положений», поскольку «философские идеи и концепции не могут считаться научными и потому вовсе не претендуют на выверенную точность и безусловную доказательность, как и не дают конкретных рекомендаций» [17, с. 32]. С точки зрения Чумакова для Вернадского изначально характерен именно такой, подчеркнуто философский взгляд на ноосферу, где «он не говорит о безусловном и неременном переходе биосферы в ноосферу, который состоится с необходимостью и при любых обстоятельствах, тем более в какие-то реально определяемые сроки» [17, с. 33]. Как можно понять основную мысль автора, проблема интерпретации ноосферы предстает как проблема реконструкции взглядов В. И. Вернадского, осуществляемая на основе размежевания Вернадского как мыслителя и Вернадского как ученого.

Точке зрения философа явно противостоит позиция представителя естественных наук Б. Г. Режабека, который также выступил с докладом на конференции, посвященной Вернадскому. Б. Г. Режабек, известный биофизик и директор Института ноосферных разработок и исследований, рассматривает учение

о ноосфере «как синтез научного, философского и религиозного подходов» [12, с. 181]. Он признает, что этот синтез следует воспринимать как научную задачу, которая все еще далека от своего окончательного решения. В этом смысле учение о ноосфере, представленное Вернадским эскизно, «требует усилий для превращения в работающую научную концепцию» [там же].

Приведенные мнения демонстрируют, что проблема ноосферы сегодня носит характер дискуссии о границе, разделяющей позиции научной и философской мысли. Основанием для подобной дискуссии может быть вопрос о практических импликациях этой идеи, который исходит и от философии, и от естествознания.

Погруженная в атмосферу оптимистических разговоров о будущем, идея ноосферы стала притягательным предметом философского умозрения, мотивированного ожиданием революционного преобразования всего спектра интеллектуальных и нравственных установок современного человечества. Такой подход нашел свое отражение в понятии «ноосферизм», введенном современным российским философом А. Субетто. Уже на первой странице своей работы «Введение в ноосферизм» автор подчеркивает, что предложенный им термин «отражает уже сложившуюся целостную теоретическую систему научных взглядов, законов, принципов», которые призваны служить «теоретической базой нового мировоззренческого переворота», называемого «вернадскианской революцией» [16, с. 15]. «Вернадскианская революция, – замечает Субетто, – только начинается. Она есть часть глобальной, синтетической революции во всем корпусе знаний, накопленном человечеством, – революции, направленной на коренные изменения оснований образования, науки, культуры, мировоззрения в целом» [там же].

Мировоззренческий переворот, называемый Субетто «Ноосферным взрывом», не есть личностный акт интеллектуальной жизни. Речь идет о событии и общечеловеческого, и космического масштаба, стоящего в одном ряду с событиями появления вселенной и зарождения жизни (данный ряд как раз и образует линию так называемой «Синтетической революции»). Предсказываемые Субетто изменения в жизни как отдельного человека, так и общества в целом носят неотвратимый характер развивающегося по заранее установленному плану эволюционного процесса.

Высказываемые Субетто идеи, прежде всего, из-за их неоднозначного характера стали предметом специальной экспертизы, по итогам которой доктор юридических наук Понкин И. В. и доктор юридических наук Кузнецов М. Н. опубликовали «Заключение от 16.07.2005 по содержанию религиозно-политической идеологии ноосферизма» [15]. В преамбуле документа сказано, что речь ни в коем случае не идет о том, чтобы поставить под вопрос научный вклад В. И. Вернадского. Свою цель авторы разъясняют так: «Однако, как это весьма часто случается в современной России, всегда находятся люди, которые, искажая действительный смысл научного наследия того или иного ученого либо выискивая в его работах несуществующие “духовные смыслы”, либо выделяя какие-то частные идеологические (или религиозные) предпочтения (или заблуждения) данного ученого, прямо не связанные с его научным наследием, в ущерб его признанным научным заслугам, стремятся превратить этого человека в “знамя” созданных на

основе таких манипуляций оккультно-религиозных сект или идеологических объединений. Настоящее заключение посвящено исследованию многообразия идеологических систем приверженцев ноосферизма (далее используем обобщающее наименование ноосфериты) как квазирелигиозной идеологии, базирующейся на манипуляциях основными концептуальными идеями В. И. Вернадского и его именем» [15, с. 657]. Развернутый ответ по части квалификации ноосферизма как квазирелигиозной идеологии Субетто дает во второй части своей работы «Введение в ноосферизм», которое озаглавлено в тональности апологии «Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? (открытое письмо – ответ «борцам» против ноосферизма)» [16, с. 555–640].

Не будем вдаваться в дискуссию о том, где пролегает грань между разработкой творческого наследия Вернадского и маскируемой его именем квазирелигиозной идеологией и в какой мере данный предмет находится в сфере компетенции правоведения. Наша цель в ином – продемонстрировать, что идея ноосферы воспринимается и в науке, и в философии как безусловно актуальная в вопросе о взаимодействии человека и природы, но вместе с тем она порождает острые дискуссии в оценке данного вопроса.

Особенности дискуссий обусловлены различием научной и философской интерпретации проблемы. В обобщенном виде это различие можно отобразить с помощью метафоры «прикрытие». В контексте научных разработок, так или иначе нацеленных на конкретный практический результат в виде решения поставленной задачи, идея ноосферы рискует выглядеть избыточно нагруженной философским содержанием, уводящем от конкретики достижимых целей в область расплывчатых мировоззренческих проблем, которые не имеют однозначного решения. В этом свете идея ноосферы выглядит прикрытием, посредством которого в проблематику научного познания проникает философствование и потому возникает дилемма депортации и легализации привнесенных вопросов. Подобным образом дело обстоит и в философии. Только здесь ситуация представлена с точностью зеркального отображения. Воспринятая философским умозрением идея ноосферы играет роль своего рода пропуска в науку, позволяющего рассуждать о жизни и исторической целесообразности человеческого существования на Земле с точки зрения научно достоверной истины, которая подкрепляется фактами и законами, не позволяющими сомневаться в том, что мировоззренческие проблемы имеют решение в науке. На этом фоне вполне ожидаемо мнение, будто идеи Вернадского играют роль научного прикрытия для идеологических построений, где за наукообразной ширмой объективного и беспристрастного следования фактам скрывается попытка манипулировать фактами в угоду интересам, имеющим вполне конкретное политическое, экономическое, нравственное и религиозное выражение. Такое мнение выглядит радикальным и спорным, но оно заслуживает внимания именно потому, что схватывает ситуацию «на пределе», когда свернутое, смутное или сознательно сдерживаемое разворачивается со всей ясностью своего назначения.

Своей рефлексии требует то обстоятельство, что интерпретации, представленные как со стороны научного подхода, так и со стороны философского

подхода, в конечном итоге приводят к дискуссии и обсуждению того, насколько приемлемыми являются результаты интерпретаций. Можно подумать, что дискуссия указывает на недостаточность интерпретации и выход следует искать в дальнейшей разработке темы. Мы предлагаем иной ракурс, при котором взгляд переключается с интерпретации на интерпретируемое, что позволяет воспринимать дискуссию как свидетельство объективной коммуникативной нагруженности идеи ноосферы.

Каким образом идея ноосферы связана с коммуникацией и в чем эта связь находит свое проявление? В разработке данного вопроса мы попробуем прояснить его контекст, что выведет нас к анализу текста В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление».

КОНТЕКСТ ВОПРОСА О НООСФЕРЕ

Обратим внимание на два обстоятельства: 1) идея ноосферы находит свое место и в научных исследованиях, и в философии; 2) в обоих случаях место и роль этой идеи вызывают споры и дискуссии. В свете этой идеи становится прозрачной и относительной граница между научным познанием реальности и ее философским постижением. Одно проникает в другое и всякий раз дает о себе знать то «иное», что невольно сближает философа и ученого, вынуждая реагировать на происходящее или в оптимистической перспективе многообещающих возможностей, или в пессимистической перспективе антиутопии. То, что каждая из сторон имеет свои аргументы, можно видеть в работах: философа В. А. Кутырева «Утопическое и реальное в учении о ноосфере» [11], геолога и философа Ф. Т. Яншиной «Ноосфера Вернадского: утопия или реальная перспектива?» [20], физика и географа Г. И. Швевса «Ноосфера как символ цивилизации нового типа» [18], математика Н. Н. Моисеева «Человек и ноосфера» [13], историка науки Д. Р. Винера «Экологическая идеология без мифов» [8].

Отметим точку зрения известного российского философа А. П. Огурцова, который полагает продуктивным «поставить идею ноосферы Вернадского не в контекст утопии и антиутопии, а в иной контекст – контекст современных споров между конструкционизмом (constructionism) и реализмом (realism)» [14, с. 13]. Позиция Огурцова интересна также и в том плане, что, как видно из самого названия его работы «История науки как путь к ноосфере: концепция В. И. Вернадского», вопрос – в какой перспективе следует воспринимать идею ноосферы? – не исчерпывает существо проблемы. Не менее значим также вопрос реконструкции того пути, который привел Вернадского к обсуждаемым сегодня идеям. В этом смысле актуальным и оригинальным выглядит мнение А. П. Огурцова о том, что решающую роль в становлении идеи ноосферы сыграла задача концептуальной разработки истории науки, к которой Вернадский подошел, разделяя историю естествознания и историю отдельных наук. Автор статьи замечает: «Поскольку Вернадский видит основную задачу истории естествознания в изучении общих законов образования и развития научного мировоззрения, не совпадающего с научным дисциплинарно организованным знанием, постольку логика истории научного мировоззрения не совпадает с логикой развития науки.

Необходимо принципиально иными глазами взглянуть на историю человеческого сознания, ибо в качестве аналитического средства выделена новая единица исследования – не история научной дисциплины, не генезис научной теории, а специфическое духовное образование – научное мировоззрение» [14, с. 5].

Отметим позицию А. П. Огурцова как поворот в рассмотрении проблемы ноосферы от вопроса оценки к вопросу становления самой идеи. Надо также подчеркнуть, что разрабатываемый А. П. Огурцовым подход имеет, как минимум, два измерения, одно из которых оказалось неучтенным. Метафора «путь», задающая новый вектор рассмотрения проблемы, в равной мере может быть интерпретирована и как личностный акт творческого поиска Вернадского, и как социальный процесс воспроизводства идеи ноосферы в современном общественном сознании. Что же превращает лично пройденный Вернадским путь в широкую дорогу, на которой встречаются и дискутируют математик, биолог, физик и философ? В чём состоит социальный исток того, что идея ноосферы воспроизводится как двусмысленное образование, некая эквивокация?

В ответе на этот вопрос мы имеем дело не с частной интеллектуальной жизнью философа, а с общественным и публичным процессом. Если рассматривать идею ноосферы с социальной точки зрения, нам придется иметь дело с языком, в котором она находит свое выражение. Ведь именно язык есть то пространство, в котором социализируются не только люди, но также их идеи. Что это за язык? Очевидно, что это язык текстов самого В.И. Вернадского, но в своей социальной функции это язык коммуникативной ситуации, связывающей автора и читателя. Прежде чем выяснить специфику этой ситуации, разберемся, с каким текстом мы имеем дело, ведь творческое наследие Вернадского обширно и включает в себя научные работы, письма, дневники, заметки и проч.

Первой работой, которую можно считать экспликацией идеи ноосферы, является небольшая по объему статья «Несколько слов о ноосфере», напечатанная в журнале «Успехи современной биологии» [1]. Георгий Иванович, сын Вернадского, перевел статью на английский язык, после чего она была опубликована в американском журнале «American scientist» под заголовком «Биосфера и ноосфера» [26]. Надо сказать, что в этой статье Вернадский опубликовал лишь незначительную часть материала, который разрабатывал в своей обширной работе «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», где планировал обобщить результаты своих исследований, но эта книга вышла в свет лишь после смерти автора в 1965 году [2]. Это капитальный труд, в котором, по замыслу автора, планировались три части, а последняя должна была отразить проблематику ноосферы. В опубликованной работе вопрос о ноосфере рассматривается лишь фрагментарно и в самом конце (§225 имеет заголовок «Вмешательство человека – стремление к ноосфере»).

Понимая, что публикация книги задерживается, Вернадский решает часть материалов, посвященных проблематике ноосферы, опубликовать в газете «Правда», с просьбой об этом он обращается с письмом к Сталину. Просьба не нашла ответа, но во многом благодаря этому письму вышла в свет статья «Несколько слов о ноосфере». Письмо, датированное 27 июля 1943 г., приводит

Г. П. Аксенов во вступительной статье к тому избранных трудов Вернадского [7, с. 26].

Надо сказать, что высказанные в данной статье идеи Вернадского не получили значительного отклика. Предметом общественного внимания идея ноосферы становится лишь после первой публикации работы «Научная мысль как планетное явление». Рукопись книги была обнаружена в архиве В. И. Вернадского уже после его смерти. Подготовкой к публикации занималась группа учеников Вернадского под руководством академика Б. М. Кедрова, произведение вышло в свет в 1977 г. в двухтомнике «Размышления натуралиста» [3]. Опубликованный текст существенно отличался от оригинала, были сделаны многочисленные купюры. В частности, в издание не вошли параграф 73 и все параграфы со 151 по 156. Второй раз произведение издавалось в 1988 г. в рамках деятельности специально созданной Комиссии Академии наук СССР по изучению научного наследия В. И. Вернадского, которую возглавлял академик А. Л. Яншин. «Научная мысль как планетное явление» вышла в сборнике «Философские мысли натуралиста» [4], в текст были возвращены все купюры, хотя последние шесть параграфов по-прежнему не вошли. Только в 1991 г. труд Вернадского был издан отдельной книгой (составитель Ф. Т. Яншина) [5] вместе с последними параграфами, однако, они вошли не в основной текст и были представлены как приложение. В полном соответствии с оригинальной рукописью «Научная мысль» вышла в свет в 1997 году [6].

В примечаниях к «Научной мысли», изданной в 1988 г., редакторы (И. И. Мочалов, К. П. Флоренский и др.) дают любопытную картину того, с какими сложностями они столкнулись в работе над рукописью [4, с. 425–436]. Работа Вернадского представляет собой машинописный текст с чернильными правками В. И. Вернадского, сделанными автором собственноручно. Текст содержит много неисправленных опечаток. Переписывая некоторые фразы, автор правил только тот текст, который его не устраивал, и не вносил исправления в связанные с ним по содержанию другие части работы. В результате в оригинальной рукописи слова иногда не согласуются во временах и падежах. При подготовке работы к печати редакторам «приходилось продумывать, как согласовать слова и предложения, чтобы не исказить мысль автора» (Мысли натуралиста) [4, с. 425]. Наряду с решением чисто грамматического вопроса пришлось решать также и вопрос смысла. В рукописи встречаются фразы, построенные очень сложно и написанные наспех. Чтобы вникнуть в их смысл, текст пришлось изменять более существенным образом, как отмечают редакторы: «В таких случаях иногда при помощи перестановки слов достигалась большая ясность» [там же].

Существенный интерес представляет редакторский взгляд на особенность оригинального текста Вернадского. При всей работе, проделанной при подготовке рукописи к публикации, невозможно избавиться от последствий того, что мы имеем дело с незавершенным текстом. В примечаниях читаем: «Подлинник работы представляет собой черновик, не подготовленный автором к печати» [там же]. Некоторые из запланированных разделов совсем не написаны (например, «О морали науки»), другие представлены не полностью («О логике естествознания»). Далее: «Очень часто в тексте встречаются указания на то, что тот или иной параграф

является лишь первоначальным наброском и изложенные в нем положения будут подробно развиты в специальном разделе, но указанного автором развития мы так и не находим. При чтении текста обращают на себя внимание некоторые повторения в изложении одних и тех же положений и фактов, встречающиеся в разных местах книги. Но это отнюдь не технические повторения, а чаще всего развитие мысли автора в ином аспекте и на ином уровне. Это является характерной особенностью изложения, присущей данной работе» [там же].

КОММУНИКАЦИЯ В ТЕКСТЕ

Попробуем разобраться со спецификой коммуникации автора и читателя в тексте «Научная мысль как планетное явление». Каким образом позиционирует себя автор и кем является предполагаемый читатель? На первый взгляд, ответ очевиден: автор позиционирует себя как ученый натуралист, рассматривающий факты с точки зрения объективного наблюдателя, озабоченного чистотой своего дескриптивного опыта. Даже там, где он отступает от конкретики эмпирического исследования в область обобщений, где отдельные явления связываются друг с другом и тем самым осуществляется переход от фактов к их идейному осмыслению, мы встречаем разъяснение о том, что обобщение фактов есть новый факт. Глагол «обобщать» в этом свете предстает как действие мысли, выражающее объективную реальность без какой-либо попытки вмешаться в ее устройство. Разбирая вопрос о различии между живыми и косными телами в природе, Вернадский делает важное замечание, раскрывающее его взгляд на то, что значит эмпирическое обобщение. Приходя к выводу, что существует резкая и непроходимая грань между косным и живым, он пишет: «Это не является философской или научной гипотезой или теорией – это есть *эмпирическое обобщение* [курсив авт.] из бесчисленного множества точно логически и эмпирически установленных фактов ...» [7, с. 630]. И ниже еще одно важное пояснение: «Все обобщения, здесь указанные, не выходят за пределы явлений, наблюдаемых в жизни организмов и их совокупностей. Они не касаются и не дают никакого объяснения жизни; они только сводят вместе факты и делают логические выводы из научного описания реальности» [там же].

Таким образом, Вернадский обращается к читателю как исследователь эмпирик, стремящийся собрать в единую картину мира факты, относящиеся к самым различным областям научного знания. В этой картине находят свое место данные из биологии, геологии, химии, астрономии и истории. То, что связывает столь разнообразные факты как части единой в своей природной сущности реальности, Вернадский называет «естественным телом». Он пишет: «В действительности для научного мыслителя вся реальность, весь космос, научно строяемый, есть естественное тело, находящееся в пространстве-времени. Иначе ученый не может работать. Не может научно мыслить» [7, с. 611]. С этим связана еще одна примечательная особенность – автор не ограничивает себя областью конкретной дисциплины, он говорит не столько с позиции какой-то отдельной науки, сколько выражает обобщенную точку зрения научного подхода. Подобная точка зрения, по выражению Вернадского, как раз и отличает «научного мыслителя».

Другое дело, что само «естественное тело» делится на различные области. Так Вернадский различает космос, «область человеческой жизни», именуемой ноосферой, и далее идет область атомов. Автор пишет: «Ибо область человеческой культуры и проявление человеческой мысли – вся ноосфера – лежит вне космических просторов, где она теряется как бесконечно малое, и вне области, где царят силы атомов ..., где она отсутствует как бесконечно большое» [7, с. 506].

Подчеркнем, что воссоздаваемая посредством эмпирического обобщения идея ноосферы, согласно замечанию Вернадского, отражает единство «области человеческой жизни», имеющее место в объективной реальности, а не только в мысли. Чем ближе мысль подходит к самой себе, тем более логичным и упорядоченным представляются ее построения. Вернадский пишет: «Логически стройными могут быть и бывают иногда лишь рационалистические или мистические построения философских систем ...» [7, с. 481]. Научная мысль тем и отличается от философской, что ею управляет не стремление к самопознанию, а противоположное стремление к познанию внешней реальности. Постигая внешнее, мысль уходит от самой себя и, вместе с реализацией в системе научных понятий, оказывается с «логически-критической точки зрения несовершенной» [там же]. Как пишет Вернадский: «Научное построение, как правило, реально существующее, не есть логически стройная, во всех основах своих сознательно определяемая разумом система знания» [там же]. Если, следуя позиции Вернадского, признать, что ноосфера представляет собой научное понятие, мы должны отказаться от требования ясности и определенности этого понятия. В качестве научного построения оно предполагает ряд «непрерывных изменений, исправлений и противоречий» [там же] и соответствует модели «динамически неустойчивого равновесия» [там же]. Что означает всё это применительно к коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление»? Автор использует понятие ноосферы в качестве понятия науки так, что это понятие допускает неопределенность и не исключает противоречивость.

Какую коммуникативную цель преследует Вернадский как автор текста, обращающийся с определенным намерением к читателю? Надо признать, что текст «Научной мысли» предполагает специфического адресата. Его читатель, разумеется, не развлекается, а имеет дело с научным текстом. И вместе с тем нельзя сказать, что он рассчитан на специалистов, профессионалов, занятых разработкой и решением конкретного набора научных проблем. При этом не важно, кем является читатель, будь он биологом, химиком или математиком – не это определяет коммуникативную ситуацию. Адресатом текста является «ученый вообще», рассматриваемый вне связи с тем, какую науку он представляет. В этом смысле предполагаемый читатель соответствует автору, который также не связывает себя рамками конкретной науки.

Но что такое «ученый вообще»? В случае Вернадского – это осознанная позиция «научного мыслителя», к которой он приходит в результате длительного хода своей творческой жизни. Что нужно предпринять, чтобы стать реальным собеседником, способными понять и оценить картину мира, представленную понятием ноосферы? Сложно ответить. Не в том ли и состоит коммуникативная

цель автора, чтобы посредством текста высвободить мысль читателя из узких рамок научной специализации и таким образом открыть ему некую новую перспективу обобщающего научного взгляда на природу? Если это так, тогда задача, совместно решаемая автором и читателем посредством текста «Научная мысль как планетное явление», позволяет считать данный текст не только научным, но также и философским. Несомненно, что текст содержит научные сведения и посредством него транслируется знание, но также можно видеть и другое. Сообщаемое знание не просто принимается к сведению, оно воздействует на образ мысли человека и перенастраивает его на новый лад так, что он осознает себя как «житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте» [7, с. 458].

Самопереосмысление человека в ходе дружеской беседы – это классический для философии мотив, наследуемый из античных традиций, восходящих к диалогам Сократа. И какой бы странной на первый взгляд ни казалась мысль о том, что в тексте Вернадского присутствует сократическая нота, эта мысль выявляет то, что связывает его научный текст с философией. Каким же образом эта связь обнаруживается?

Осваивая текст, трудно уяснить значение понятия ноосферы, что допустимо в свете специфического взгляда, которого придерживается Вернадский, и согласно которому научное не исключает неопределенное. Всякий раз понятие ноосферы нагружено контекстом разработки конкретного вопроса и попытка разобраться, что оно значит само по себе, наталкивается на объективную сложность и требует со стороны читателя личного интерпретирующего усилия. К примеру, Ф. Т. Яншина, анализируя учение Вернадского, насчитывает двенадцать положений о ноосфере [22, с. 121–129]. Каждое из них выглядит вполне самостоятельным и можно лишь смутно догадываться, каким образом ноосфера объединяет их все в единое целое. Перечислим этот ряд:

- 1) заселение человеком всей планеты;
- 2) преобразование средств связи и обмена между разными странами;
- 3) усиление связей, в том числе политических, между всеми государствами Земли;
- 4) преобладание геологической роли человеческой деятельности над природными геологическими процессами;
- 5) расширение границ биосферы и выход в Космос;
- 6) открытие новых источников энергии;
- 7) равенство людей всех рас и религий;
- 8) увеличение роли народных масс в решении политических вопросов;
- 9) свобода научной мысли от религиозного и политического давления;
- 10) подъем благосостояния человечества, возможность побороть голод и нищету;
- 11) разумное преобразование природы в целях удовлетворения потребностей численно возрастающего населения;
- 12) исключение войны из жизни общества.

Понятие ноосферы связывает перечисленные положения. Но именно потому, что эта связь создается в личностном акте интерпретации читателя, представленное автором в качестве научного понятие трансформируется восприятием читателя в философскую идею. И это вполне согласуется с подходом Вернадского – чем ближе мысль к самой себе, тем более она смещается с позиции научной постановки вопроса в сторону философствования.

В этом плане вполне закономерно то, что по прочтению текста Вернадского у каждого складывается собственное видение того, что такое ноосфера, и крайне сложно ставить вопрос не только о том, какое из них правильное, но также и о том, как они соотносятся. Шугрин С. М., специалист в области гидродинамики и вычислительной математики, приходит к идее о том, что ноосфера есть идеал «всемирной собранности» [19, с. 421]. Биофизик В. П. Казначеев видит в ноосфере выражение идеи человека как «космопланетарного феномена» [9]. Математик Н. Н. Моисеев высказывает идею коэволюции как «совместного гармоничного развития природы и человека» [13, с. 307]. Эффект разночтения находит свое объяснение в предположении, что ноосфера в качестве объективной предметности, выраженной в соответствующем понятии, есть предметно кристаллизовавшийся в языке текста «Научной мысли» личностный взгляд Вернадского на мир. В стремлении понять, о чем идет речь, читатель распрямечивает идею ноосферы и тем самым воспроизводит этот взгляд, но уже как собственный, идущий изнутри его личности.

Итак, к какому выводу подводит нас мысль о том, что идея ноосферы обозначает своеобразную точку пересечения встречающихся в тексте взглядов автора и читателя. Вспомним наши вопросы: 1) каким образом связаны коммуникация и идея ноосферы и 2) в чем данная связь проявляется? Теперь мы можем ответить:

1) коммуникация и идея ноосферы связаны в коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление», в рамках которой идея ноосферы маркирует способ общения автора и читателя;

2) связь коммуникации и идеи ноосферы проявляется в особенности данного способа общения, где автор исходит из позиции ученого, а читатель – из позиции философа.

Отсюда понятно, почему интерпретация идеи ноосферы инициирует дискуссию относительно результатов интерпретации и почему это вовсе не проблема интерпретации. Дело в том, что идея ноосферы несет коммуникативную нагрузку в том плане, что конструктивной особенностью идеи является не предметность (общность), а процессуальность (общение). Согласующаяся с данной особенностью интерпретация инициирует дискуссию как свой результат, и это можно понять так, что идея жива и разговор о ноосфере имеет смысл лишь в обсуждении вопроса о том, каков этот смысл и есть ли он вообще.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18. – Вып. 2. – С. 113–120.

2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1965. – 376 с.
3. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. В 2 книгах. Книга 2 / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский // *Философские мысли натуралиста*. – М.: Наука, 1988. – С. 20–208.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
6. Вернадский В. И. О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль / В. И. Вернадский. – Дубна: Феникс, 1997. – 576 с.
7. Вернадский В. И. Избранные труды / В. И. Вернадский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 744 с.
8. Винер Д. Р. Экологическая идеология без мифов / Д. Винер // *Вопросы философии*. – 1995. – № 5. – С. 82–97.
9. Казначеев В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере / В. П. Казначеев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 248 с.
10. Касавин И. Т. Междисциплинарность в науках и философии / И. Т. Касавин. – М.: Институт философии РАН, 2010. – 205 с.
11. Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере / В. А. Кутырев // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 626–629.
12. Лисеев И. К. Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира (к 150-летию В. И. Вернадского) / И. К. Лисеев // *Вопросы философии*. – 2013. – № 11. – С. 174–184.
13. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Моисеев Н. Н. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
14. Огурцов А. П. История науки как путь к ноосфере: концепция В. И. Вернадского. Электронный философский журнал VOX. – 2014. – Выпуск 17. – URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/283>.
15. Понкин И. В., Кузнецов М. Н. Заключение от 16.07.2005 по содержанию религиозно-политической идеологии ноосферизма / И. В. Понкин, М. Н. Кузнецов // *Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: сборник*. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2009. – С. 657–700.
16. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая научно-мировоззренческая система? / А. И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – 644 с.
17. Чумаков А. Н. Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание / А. Н. Чумаков // *Вестник Московского университета*. – 2013. – № 1. – С. 27–37.
18. Швец Г. И. Ноосфера как символ цивилизации нового типа / Г. И. Швец // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 630–634.
19. Шугрин С. М. Космическая организованность биосферы и ноосферы / С. М. Шугрин. – Новосибирск: Сиб. предприятие РАН «Наука», 1999. – 496 с.
20. Яншина Ф. Т. Ноосфера Вернадского: утопия или реальная перспектива? / Ф. Т. Яншина // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 635–644.
21. Яншина Ф. Т. Развитие философских представлений В. И. Вернадского / Яншина Ф. Т. – М.: Наука, 1999. – 144 с.
22. Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере / Яншина Ф. Т. – М.: Наука, 1996. – 222 с.
23. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945 / K. E. Bailes / Foreword by Loren Graham. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – 238 p.
24. The biosphere and noosphere reader: global environment, society and change / Edited by Paul R. Samson and David Pitt. – London: Routledge, 1999. – 206 p.
25. Vernadsky V. I. The biosphere / V. I. Vernadsky / translated by David B. Langmuir; revised and annotated by Mark A. S. McMenamin. – New York: A Peter Nevraumont book, 1997. – 192 p.

26. Vernadsky V. I. The biosphere and the noosphere / V. I. Vernadsky // American Scientist. – 1945. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–12.

Zarapin O. V. Communicative Loading of V. I. Vernadsky's Noosphere Idea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 3–17.

The article considers the problem of interpreting V. I. Vernadsky's idea of the noosphere. It is noted that this problem has an interdisciplinary context in which the idea of the noosphere is considered from the side of a scientific approach and from the side of philosophical approach, that leads to equivocality of the noosphere idea and induces debate on the possibilities of interpretation. It is put forward the thesis that the problem of interpretation represented in the discussion is based on the peculiarity of the one that is interpreted and detects the communicative loading of the noosphere idea. It is risen the question on what provides communicative load for the noosphere idea and where the loaded idea finds its manifestation. This question is developed within analyzing V. I. Vernadsky's text "Scientific Thought as a Planetary Phenomenon". Text analysis makes it possible to distinguish two things: 1) the noosphere idea gets its load in communicative situation of the text "Scientific Thought as a Planetary Phenomenon" as the situation of communicative interactivity between the author and the reader; 2) as a particularity of communicative situation V. I. Vernadsky's text it is emphasized the equivocation of positions: the author comes from the position of a scientist, and the reader – from the position of a philosopher. It is concluded that the noosphere idea defines interpretation aimed at the last one in such a way that the interpretation detects equivocation and thereby causes a discussion on the possibility of itself.

Keywords: the noosphere idea, interpretation, text communicative situation.

References

1. Vernadskij V. I. Neskol'ko slov o noosfere [A Few Words About the Noosphere]. Uspehi sovremennoj biologii [Successes of modern biology], 1944, no. 18, Vol. 2, P. 113–120.
2. Vernadskij V. I. Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzenija [The Chemical Structure of the Earth's Biosphere and its Environment]. Moscow, Nauka, 1965, 376 p.
3. Vernadskij V. I. Pazмышlenija naturalista. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Reflections of a Naturalist. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon] v 2 knigah. Kniga 2. Moscow, Nauka, 1977, 192 p.
4. Vernadskij V. I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical Thoughts of Naturalist]. Moscow, Nauka, 1988, P. 20–208.
5. Vernadskij V. I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka, 1991, 271 p.
6. Vernadskij V. I. O nauke. Tom 1. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorcestvo. Nauchnaja mysl' [About Science. Volume 1. Scientific Knowledge. Scientific Creativity. Scientific Thought]. Dubna, Feniks, 1997, 576 p.
7. Vernadskij V. I. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010, 744 p.
8. Viner D. R. Jekologičeskaja ideologija bez mifov [Environmental Ideology Without Myths]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 1995, no. 5, P. 82–97.
9. Kaznacheev V. P. Učenie V.I. Vernadskogo o biosfere i noosfere [V.I Vernadsky's Teachings of Biosphere and Noosphere]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 248 p.
10. Kasavin I. Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii [Interdisciplinarity in Science and Philosophy]. Ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 2010, 205 p.
11. Kutjrev V. A. Utopičeskoe i real'noe v učenii o noosfere [Utopian and the Real in the Doctrine of the Noosphere]. V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998). [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898–1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 626–629.

12. Liseev I. K. Filosofskie idei V. I. Vernadskogo i sovremennaja nauchnaja kartina mira (k 150-letiju V. I. Vernadskogo) [V. I. Vernadsky Philosophical Ideas and Modern Scientific Picture of the World (to the 150th anniversary of V. I. Vernadsky)]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 11, P. 174–184.
13. Moiseev N. N. Chelovek i noosfera [The Man and the Noosphere]. Moscow, Molodaja gvardija, 1990, 351 p.
14. Ogurcov A. P. Istorija nauki kak put' k noosfere: koncepcija V. I. Vernadskogo [History of Science as a Way to Noosphere: the Concept of V. I. Vernadsky]. *VOX*, 2014, Iss. 17. URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/283>.
15. Ponkin I. V. Kuznecov M. N. Zakljuchenie ot 16.07.2005 po sodержaniju religiozno-politicheskoj ideologii noosferizma [Judgment of 16.07.2005 on the Content of the Religious-Political Ideology of Noosferizm]. *Grazhdansko-pravovaja, konstitucionno-pravovaja i ugovovno-pravovaja ohrana pravstvennosti: sbornik* [Civil, Constitutional-Legal and Criminal-Law Protection of Morals: a Collection]. Moscow, Institute of state-confessional relations and law, 2009, P. 657–700.
16. Subetto A. I. Sochinenija. Noosferizm. Tom pervyj. Vvedenie v noosferizm. Noosferizm: dvizhenie ili novaja nauchno-mirovozzrencheskaja sistema? [Works. Noosferizm. Volume One. Introduction to Noosferizm. Noosferizm: Movement or New Scientific and Ideological System?]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University, 2006, 644 p.
17. Chumakov A. N. Noosfera V. I. Vernadskogo: filosofskoe i estestvennonauchnoe sodержanie [V. I. Vernadsky Noosphere: the Philosophical and Natural Sciences Content]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2013, no. 1, P. 27–37.
18. Shvebs G. I. Noosfera kak simbol civilizacii novogo tipa [Noosphere as a Symbol of a New Type of Civilization]. *V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998)* [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898 – 1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 630–634.
19. Shugrin S. M. Kosmicheskaja organizovannost' biosfery i noosfery [Space Organization of the Biosphere and the Noosphere]. Novosibirsk, Publishing House of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999, 496 p.
20. Janshina F. T. Noosfera Vernadskogo: utopija ili real'naja perspektiva? [Vernadsky's Noosphere: Utopia or Realistic Prospect?]. *V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998)* [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898–1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 635–644.
21. Janshina F. T. Razvitie filosofskih predstavlenij V. I. Vernadskogo [Development of V. I. Vernadsky Philosophical Ideas]. Moscow, Nauka, 1999, 144 p.
22. Janshina F. T. Jevoljucija vzgljadov V. I. Vernadskogo na biosferu i razvitie uchenija o noosfere [Evolution of V. I. Vernadsky Views on the Biosphere and Development of the Theory of the Noosphere]. Moscow, Nauka, 1996, 222 p.
23. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945. Foreword by Loren Graham. Bloomington, Indiana University Press, 1990, 238 p.
24. *The Biosphere and Noosphere Reader: Global Environment, Society and Change*. Edited by Paul R. Samson and David Pitt. London, Routledge, 1999, 206 p.
25. Vernadsky V. I. *The Biosphere*. Translated by David B. Langmuir; revised and annotated by Mark A. S. McMenamin. New York, A Piter Nevraumont book, 1997, 192 p.
26. Vernadsky V. I. *The Biosphere and the Noosphere*. *American Scientist*, 1945, Vol. 33, no. 1, P. 1–12.